

Медвединое озеро

Художник Е. Станикова

Юрий Юрт

ФАНТАСТИКА

А кто путает следствие с причиной, того назовем сущеглупым... Тот же, кто, напротив, с причиной путает следствие, тот мудр и в магических искусствах поднаторел.

Ф.Ф.Оглоблин, П.П.Черепавский.

Колдовской изложник, часть 2-я, с. 126

(М., Изд-во «Тайное знание — тайная сила»)

Она — длинная, зеленая и пахнет колбасой. Он — невысокий, лысоватый, со стареньким брезентовым рюкзаком за плечами.

Она, как издавна заведено у электричек, подходит ровно в 23.00, опоздав на положенные двадцать минут. Он сразу лезет в тамбур и заглядывает в вагон — нет ли свободных мест. Слава Богу, мест нет, и можно скинуть рюкзак и присесть на него в уголке, у стоп-крана.

Михаил боится всего: сквозняков, милиционеров, горластых продавщиц, но больше всего он боится потерять свой рюкзак. Или даже не потерять, нет, — Михаил боится, что кто-нибудь придет и отнимет рюкзак, если тот будет на виду. Может, все дело в подсознании и на самом деле Михаил боится потерять не рюкзак, а нечто несравненно более ценное. Так в свое время говорил Михаилу интеллигентнейший старик, доктор Яков Семенович Шланг... Врачей-убийц, конечно, вовремя раскусили, но в чем-то Яков Семенович был прав. Не рюкзак боится потерять Михаил. Он везет в рюкзаке одну вещь. Нечто очень ценное.

Великая Инквизиция не занимается мелкими делами вроде мошенничеств или краж в электричках. Всякое дело, которым начинает заниматься Великая Инквизиция, сразу становится важным и значимым.

На столе у Дознателя стоит тяжелая чугунная чернильница в засохших красных потеках. Нынешний Дознатель пишет только простым карандашом. Бывший Дознатель тоже пишет только карандашом, потому как на Крайнем Севере чернила стынют. Но он предпочел бы чернила. А нынешний Дознатель привык к мягкому нажиму карандаша.

Василий Николаевич, нехорошо! Поступил звоночек, в очередной раз зачитывает Дознатель и по-отечески смотрит на Василия Николаевича. Тому действительно становится нехорошо. Гражданка А. сообщает, что занавески на вашей веранде несколько лет не стираны. А рядом с домами, между прочим, проходит дорога до аэропорта. Это что, попытка очернить нашу действительность?

«Да как же очернить? Я сам, сам сегодня же постираю», — бормочет Василий Николаевич и тоскливо гля-

дит за окно, поверх герани. На улице солнечно, у магазина — очередь, весенняя, радостная, одетая легко и празднично. Василия Николаевича забрали еще зимой, и ему душно в байковых с начесом подштанниках.

«Только за последние два месяца на территории нашей области было выявлено более тысячи очернителей действительности. Не может не радовать рост гражданской сознательности на местах. Так, простая ткачиха А. сообщила о более чем ста случаях. «Очернителей — к ответу!» — слышны призывы трудящихся».

Константин Петрович аккуратно складывает газету, кладет ее на столик, раскрывает чемодан, вынимает оттуда коробочку с двумя котлетами и вареным картофелем, сверток с разной снедью. Сосед по купе жадно смотрит на котлеты, картошку, на криво нарезанные куски колбасы. Константин Петрович намазывает ломоть хлеба маслом и поверх укладывает колбаску. Сосед напряженно замирает, повернувшись к окну, но скосив глаза на бутерброд.

Константин Петрович некоторое время сосредоточенно жует, а потом кладет надкусанный бутерброд прямо перед собой. На газетную передовицу не падает ни соринки, ни крошки. Сосед все понимает и в сердцах выходит в коридор. Константин Петрович демонстративно приоткрывает дверь и вытирает руки салфеткой, перед тем как опять взяться за газету.

«Означенные малефики, иначе злотворители, оставили безнадзорным склад при Доме культуры, и крысы повредили гипсокартон первомайских пшеничных снопов. В результате весь урожай в области был по осени погублен грызунами».

Если почитать газеты, то очернители всюду. И так оно и есть. Взять хоть тот домик. На вид — домик-божий одуванчик, тронь — рассыплется. Да, рассыплется! А когда был он еще крепок, жил в нем парень, из тех мальцов, кто наводил на Генерального секретаря порчу. Вот какие дома есть у нас в городе. А вы говорите... Темные, темные настали времена. И хотя инквизиция уж эвон сколько лет ведет охоту на ведьм, жить все же непросто, нелегко! Ведь как понять, кто очернитель, а кто нет? Раскаявшиеся очернители одеты в яркие санбенито, и насчет них можно сказать наверняка: проверен и чист. Великая Инквизиция умеет находить дорогу к сердцам людей. Мало кто вновь берется за старое после визита в Контору. Но всех не пригласишь в Контору, не поступишь каждого строго по лбу: не делай злого!

Вот Константин Петрович сходит с поезда и неспеш-

ФАНТАСТИКА

ной походкой отдыхающего направляется в сторону зеленых насаждений.

— Ваши билетки!

Михаил вздрагивает. Ему сразу кажется, что билеты не только измяты, но, конечно, еще и потеряны.

— Ищите, — брезгливо отворачивается контролерша.

Михаил послушно встает и начинает шарить по карманам.

— Нету? А за багаж? Сейчас в отделение пойдем, — радуется тетка. — Мешочник. Я тебя с поезда высажу!

Михаил дожидается остановки, послушно сходит на платформу и оставляет контролерше ее трофей — старый брезентовый рюкзак. В душе он ликует: за полчаса до прихода контролеров самое ценное — настенный коврик с четверкой лебедей посреди небесно-синего озера — был перепрятан под куртку.

«Для наведения порчи на птицеводческое хозяйство возьми щепоть волос с лисьего хвоста и пусти, привязав к гусиному перу, по ветру».

«Для наведения порчи на колхозные урожаи возьми пустой колос и преломи его, как то бывает с копиями после проигранной битвы».

«Для наведения порчи на Генерального секретаря обойдись с ним, живым, как с мертвым, а именно...»

И дальше в этом, шестом по счету «Изложнике», в странице маникюрными ножницами вырезана дыра. Всего «Изложников» шесть, все они хранятся там, где положено, и доступ к ним имеют самые проверенные люди инквизиции. А поди ж ты...

Михаил отсидел свои семь лет за ерунду, сотворенную по молодости и дурости. Тогда он был еще просто Мишкой и чем-то, кудлатый и косолапый, впрямь походил на молодого медведя. После филфака Мишка работал экскурсоводом. Лес, речка, дом Известного Поэта, по весне — васильковое поле за окном. По осени, когда в городах топить еще не начинали и тоскливая сырость прокрадывалась в дома, здесь всегда жарко натопленная печь в праздничных изразцах.

К какой-то круглой дате должны были приехать крупные чины, осмотреть усадьбу, возложить к дубу цветы и произнести речи. Сотрудники соответствующего ведомства отловили Михаила в тот момент, когда за полчаса до приезда группы он под зонтом в третий раз обходил дуб со словами: «Кажется, дождь начинается, кажется, дождь начинается!»

Попытка сорвать запланированное торжественное мероприятие путем наведения порчи на погодные условия,

пятнадцать лет... Но Михаил отсидел только семь. Тот день он запомнил очень хорошо. Радиоточки с раннего утра и до самого ужина передавали только «Лебединое озеро». Все замерли в ожидании чего-то неясного и пугающего. Вечером пришло сообщение, что Генеральный секретарь умер. Начальство запаниковало, не понимая, что в таких случаях надо делать. Опять заговорили о расстрелах. Потом в суматохе Михаила отчего-то вывели за ворота и дали два рубля на билет до дома.

У Константина Петровича есть все, потому что он не сидел семь лет в местах с неблагоприятным климатом, а проработал все эти годы библиотекарем Там, Где Надо. У Константина Петровича есть все, и сверх того — магнитофон.

Именно магнитофон лежит в чемодане, прикрытый полосатой командировочной пижамой. Вот Константин Петрович выходит на опушку.

Константин Петрович и сам не знает, за что он не любит существующие порядки. Все в его жизни складывается вроде удачно. Разве что в детстве... Яков Семенович Шланг так и говорил ему, помнится: все идет из детства. Костя ждал продолжения вчерашней вечерней сказки для малышей, но по телевизору, по всем каналам, почему-то показывали «Лебединое озеро». А потом сказали, что Генеральный секретарь умер и что всех охватило чувство невозможной утраты. Кина не будет.

«Для наведения порчи на Генерального секретаря обойдись с ним, живым, как с мертвым, а именно...»

Михаил вполборота кивает Константину Петровичу. Надо повесить коврик с лебедями. Вот на этой елке.

Константин Петрович достает из внутреннего кармана дублики батарейки, обмотанные изолентой, и вставляет их в магнитофон. Нажимает на красную кнопку. Магнитофон оживает.

Слышится музыка, и где-то там вдалеке, неведомо где, маленькие лебеди начинают свой танец.

Михаил и Константин Петрович присаживаются на поваленное дерево.

Чувство невозможной утраты переполняет их сердца.

